

А. В. Дмитриев¹**МИГРАЦИЯ: КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ВЫЗОВА**

Современный миграционный процесс меняет культурные матрицы мира. Странам Европы и части стран СНГ (России, Украине, Белоруссии) с их стареющим населением ныне противостоит огромный по численности развивающийся мир, грозящий разрушить систему сложившихся отношений.

По-видимому, придет время, когда народы, населяющие развивающиеся страны, кардинально изменят этнический состав Европы, в том числе России, где смертность населения превышает рождаемость и молодежь стремится уехать из страны.

Не вызывает сомнений, что рост масштабов эмиграции и иммиграции будет сопровождаться усилением ее воздействия на все сферы жизни, в том числе культурную. По разным причинам этот процесс, как показывает опыт многих стран, будет мотивировать рост движений преимущественно националистической окраски.

Обусловлено это боязнью не только коренной реструктуризации экономических и социальных отношений в обществе, но и мобилизацией внутри самого принимающего общества во имя достижения равноправия и признания самобытности своей культуры.

Конфликты, связанные с иммиграцией, обычно касаются взаимодействия двух основных участников — постоянных жителей, с одной стороны, и иммигрантов — с другой. Зачастую они дополняются вмешательством властей, то есть появляется третья сторона конфликта. В случае если иммигранты идентифицируют себя с этносом, в конфликт могут вмешаться и диаспоры — четвертая сторона. Если акцентировать внимание не на психологии участников (а этот аспект, разумеется, важен), а на характере действий сторон, то обнаруживается основной признак конфликта: восприятие его участниками поведения друг друга как направленного

на ущемление своих материальных и культурных устремлений.

Движение населения в Россию и из нее имеет определенные преимущества и риски. В экономической сфере иммиграция частично удовлетворяет спрос на рабочую силу, которая готова трудиться за низкую заработную плату и в трудных условиях. Мигранты в РФ заполняют так называемый низкий сектор рынка (услуги в коммунальной области, строительство, розничная торговля и т. д.). В более высоких секторах — экономике, науке и образовании — они не могут заполнить пустоты, связанные с естественным убытием специалистов и растущей эмиграцией.

Кроме того, в гуманитарной области миграция расширяет возможности знакомства с иными культурами, создает предпосылки для их взаимопроникновения. Кроме того, предоставление убежища лицам, преследуемым на своей территории проживания, отвечает общечеловеческим ценностям — проявлению милосердия.

Несколько слов о цивилизованном контексте. При всех положительных или негативных характеристиках иммиграции нельзя исключить, что она будет оказывать определенное воздействие на прогнозируемый многими цивилизационный раскол. Альтернатив у России немного, и, несмотря на «маятниковость» своего культурного развития (между Европой и Азией), ей придется наконец сделать выбор между евразийством и западной цивилизацией.

Здесь есть свои особенности. Предположим, Россия пойдет по первому пути (евразийство). В этом случае линия раздела между европейской и восточной цивилизациями станет на первый взгляд менее заметной. Что касается иммиграции с Юга и Востока, то она будет продолжаться беспрепятственно (и за 10 лет составит примерно 7 млн человек). В случае экономического, социального или политического и, вероятнее всего, общесистемного кризиса линия напряжения будет проходить не по периферии России, а в самых важных ее «нервных» узлах.

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Общая социология», «Социальный конфликт: общее и особенное», «Конфликты миграции», «Юг России: конфликтное измерение», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия». Главный редактор журнала «Социология образования». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук.

Избрав второй альтернативный вариант (западная цивилизация), Россия, быстро модернизируясь, станет европейской страной. На этом этапе существует опасность усугубления культурного разлома по линии границ Кавказа и прилегающих к нему регионов, а также среднеазиатских республик.

На макроуровне Россия будет стремиться сохранить свое влияние, укрепляя одновременно границы, совершенствуя миграционный контроль. На микроуровне ситуация может периодически обостряться. Население, проживающее около границ «межцивилизационного разлома», будет вести борьбу за территории и влияние путем демографической экспансии: заселение (сначала единичное, а затем массовое) с последующим изменением этнодемографического баланса в свою пользу и вполне вероятным вытеснением местного населения. История многих государств свидетельствует о давности и стандартности таких приемов. В современной Европе албанцы, используя подобный способ, стали доминировать в Косово (Сербия). На очереди Македония. На Северном Кавказе русские покидают некоторые территории Ставропольского и Краснодарского краев, ряд северокавказских республик почти полностью лишился русского населения.

Как бы то ни было, пока проблема культурного разлома проходит по периферийным районам страны, частично затрагивая и столичный мегаполис. Каждая из сторон (кавказцы, азиаты с одной стороны, местное население — с другой) обладает рядом культурных аргументов в свою пользу, которые вряд ли будут ослаблены в ближайшее время. Отсутствие взаимопонимания, сегрегация, подозрительность по-прежнему составляют конфликтный фон взаимодействия. Культурное разнообразие воспринимается сторонами как угроза устоявшимся стандартам их жизни.

Самое сложное сегодня — применение адекватных и деликатных методов мотивации интереса подвижного, противоречивого массового сознания к выработке позитивных культурных практик и демонтажу бытующих деструктивных, негативных стереотипов. К сожалению, именно такой деятельности сегодня не хватает. Немало влиятельных групп используют возможности СМИ для формирования всевозможных иллюзий и социальных стрессов. Создаются разноформатные галереи черно-белых смыслов — от сверхпозитивных, пастельных картин, в которых мигранты спасают страну

от депопуляции, до мрачных ассоциаций и образа исполнинской тени иноэтничной миграции, нависшей над страной и создающей проблемы для граждан России.

СМИ достигает этого эффекта с помощью множества методов, в том числе изменением смыслового контекста информации о тех или иных событиях, связанных с мигрантами, многократным повторением избирательно подобранных фактов. Другими словами, миграционная проблематика создает дополнительные возможности управления сознанием и поведением населения страны, риски использования ее в качестве средства эскалации социальной напряженности и этнической мобилизации. Подобные факты, к примеру, у многих москвичей вызывают не самые теплые чувства к мигрантам, формируют интолерантные установки и укрепляют в массовом сознании представления о том, что неконтролируемый приток иностранцев давно превратил Россию в центр интернационального криминалитета.

Стремясь в общеевропейский дом и ратуя за безвизовый режим с этим цивилизованным центром, нельзя не отдавать себе отчета в том, что это невозможно без ограничения потока мигрантов, желающих использовать территорию России в качестве транзитного пункта. Европейское сообщество в связи с этим выдвигает ряд условий, которые могут обезопасить его от нелегального проникновения мигрантов. Одно из них — обустройство южных и восточных границ с целью ограничения азиатской иммиграции. Другое условие — заключение между Россией и прилегающими к ней восточноевропейскими странами соглашения о реадмиссии, то есть о принудительной и законной высылке незаконных мигрантов.

Таким образом, России предстоит определиться с основой иммиграционной политики и сделать выбор в пользу той модели, которая бы позволяла эффективно регулировать приток иммигрантов, минимизировать возможности развертывания конфликтов с принимающим обществом и содействовать социально-экономическому и культурному прогрессу страны, консолидации российского населения. В этом смысле европейское направление, на наш взгляд, более перспективно. Разумеется, в политических и отчасти экономических целях колебания между евроазиатским и европейским трендами вполне объяснимы. В культурном же аспекте альтернативный выбор в пользу страны не нуждается в дополнительной аргументации.